

DOI 10.25991/AE.2019.58.70.008
УДК 82.091

Л. В. Гурленова

Гурленова Людмила Викторовна — доктор филологических наук, профессор,
директор Института культуры и искусства
Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина
GurlenovaLV@syktsu.ru

«...ХАОС НЕОРГАНИЗОВАННЫХ, СТИХИЙНЫХ СИЛ»: ПОНИМАНИЕ ПРИРОДЫ И ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ М. ГОРЬКОГО 1920–30-х гг.

Статья посвящена анализу различных аспектов натурфилософской концепции М. Горького, отраженной в публицистике 1920–1930-х годов. К исследованию привлекаются тексты статей, лекции «О знании», другие материалы, в том числе связанные с издательской программой М. Горького. Позиция писателя анализируется в сопоставлении с идеями Н. Федорова, К. Циолковского, Вл. Соловьева. Натурфилософская позиция М. Горького понимается как система, включающая ответы на вопросы о смысле природы, в том числе живой материи, места в природе человека и его программы действий, направленных на возвышение своей роли. Утверждается, что позиция М. Горького, антропоцентристская по своей сути, не была догматической, ограниченной технократической идеей.

Ключевые слова: натурфилософия, антропоцентризм, материя, природа, миропорядок.

L. V. Gurlenova

«...CHAOS OF UNORGANIZED, NATURAL FORCES»:
UNDERSTANDING OF NATURE AND MAN IN M. GORKY'S JOURNALISM OF THE 1920–30S

The article focuses on the analysis of various aspects of M. Gorky's natural philosophy concept reflected in the 1920–1930's journalism. Texts of articles, "On the Knowledge" lectures and other materials are under analysis, including those related to M. Gorky's publishing program. The writer's take is analyzed in comparison with the ideas of N. Fedorov, K. Tsiolkovsky, Vl. Solovyov. M. Gorky's natural philosophy concept is understood as a system containing answers to questions about the meaning of nature, including living matter, man's place in nature and man's framework for action aimed at its elevation. It is argued that M. Gorky's stand, anthropocentric by definition, was not a dogmatic, limited technocratic idea.

Keywords: natural philosophy, anthropocentrism, matter, nature, world order.

На протяжении большей части XX в. вопрос об отношении человека к природе был одним из самых обсуждаемых в среде творческой и научной интеллигенции. Наиболее содержательные и системные размышления об этом принадлежат крупнейшим писателям и философам первых трех десятилетий; их взгляды свидетельствовали о наличии двух, нередко непримиримых, позиций, которые условно можно определить как «положительное» и «отрицательное» отношение к природе. Дискуссии продолжились в эпоху 1960–1970-х годов, затем в произведениях такого литературного явления, как экологический постмодернизм, отражаются и в текущем литературном процессе. Научные исследования данного вопроса были наиболее интенсивными в 1970–1990-е годы, сегодня они вновь могут быть широко востребованными, т. к. вопрос об отношении человечества к природе становится одним из самых важных в проектировании будущего. Позиция крупных писателей, которые содействовали продвижению той или иной идеи, интересна сегодня не только как история вопроса.

Известно, что в русском искусстве начала XX в. широкую поддержку получили идеи антропоцентристской ориентации. Особенно активными они стали в первом послереволюционном десятилетии, которое породило утопические надежды на безграничные возможности человека в построении нового, счастливого, как тогда казалось, мира.

Одним из последовательных приверженцев и защитников этих идей был М. Горький. Он активно проповедует антропоцентризм на протяжении почти всей своей творческой жизни — от показательной в этом отношении поэмы 1903 г. «Человек» до последних статей. Начало же его творчества было ознаменовано активным вниманием к природе и замечательными романтическими пейзажами в ранних рассказах. Вероятно, в это время перед Горьким еще не стояла проблема природы и человека как философская, она разрабатывалась писателем преимущественно в социальном и эстетическом аспектах.

Позже она все более и более втягивалась в русло идей антропоцентристской философии. Для этого было достаточно оснований: с начала века антропоцентристская философская мысль становится значительной в русской науке и искусстве, охватывая области не только гуманитарного, но и естественнонаучного знания, точных наук. Горький знакомится с идеями Н. Федорова, К. Циолковского, В. Вернадского, развивавшихся в том же направлении, ранее — с западноевропейской философией в лице А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

В данном исследовании использованы следующие работы, в которых Горький объясняет свое отношение к природе и понимание человека: публичная лекция в Петроградском Рабоче-Крестьянском университете «О знании» (1920), письма А. Воронскому в ответ на две его статьи о творчестве

Горького (1926 и 1928), статьи «О культуре» (1928), «О темах» (1933), «О Пришвине» (1926), а также «О формализме», «О борьбе с природой», «О борьбе с засухой», «О праве на погоду», «О «Библиотеке поэта»». Уточним, что Горький аккумулировал современные ему научные концепции, часто радикального характера, выстраивая их в жесткую систему, и затем сам оказал огромное воздействие на писателей своей эпохи.

Весь комплекс философских и эстетических идей, образующих натурфилософию Горького, состоит из нескольких крупных вопросов, которые, в свою очередь, конкретизируются более частными их аспектами.

Что такое природа в понимании Горького? В-первых, сырой материал, «грязь», бесплодный кусок космоса, т. е. неодолимая «мертвая» материя, которая не может свидетельствовать о глубоком смысле ее появления, об особой роли Земли в космосе.

Так, в ответе на вторую статью А. Воронского — «Вопросы художественного творчества» (1928) М. Горький писал: «Природа — сырой материал, который обрабатывается и должен обрабатываться все более активно...» [5, с. 43]. Отвечая на статью А. Воронского 1926 года, М. Горький заметил: «В древности глубокой возникло от грязи земной некое бесформенное и бессильное живое, затем оно, пересоздав себя в человека, преодолевает ... все сопротивление всех слепых и бессмысленных сил космоса...» [5, с. 42]. Наконец, в статье о М. М. Пришвине читаем: земля — «бесплодный кусок космоса», плохо приспособленный для обитания человека [6, т. 24, с. 266]. Природа, следовательно, видится М. Горькому косной, враждебной человеку силой, а сам человек рассматривается как нечто, природе не принадлежащее и находящееся как бы над нею.

Во-вторых, живая материя, возникающая в природе в процессе ее развития, лишается писателем творческого начала и воли к постижению значения жизни и смерти. В статье о М. М. Пришвине Горький размышляет: с годами «стало казаться, что в обаятельном языке, которым говорят о «красоте природы», скрыта бессознательная попытка заговорить зубы страшному и глупому зверю Левиафану — рыбе, которая бессмысленно мечет неисчислимые массы живых икринок и так же бессмысленно пожирает их...» [6, т. 24, с. 265]. А в статье «О культуре» (1928) Горький утверждает, что в живородящем начале природы содержится разрушительный, враждебный человеку смысл: «Природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов... на создание вреднейших насекомых... она создает бесчисленное количество вредных или бесполезных растений и трав, истощая... здоровые соки...» [6, т. 24, с. 405].

В этом утверждении М. Горький, по сути, является механицистом, поскольку разлагает целое природной жизни на части, одни из которых признает бесполезными и даже вредными для человека

и полагает правильным изъятие их из природной жизни с целью последующего уничтожения, другие же считает полезным изменить; все это вместе является частью «второй», или рукотворной природы.

М. Горький ставит задачу изменения не только внешних проявлений природы, но и самого ее механизма: он понимает природный порядок как опасную для человека стихию, поскольку в ней отсутствует принцип закономерности явлений, властвует случайное: «Природа — хаос неорганизованных, стихийных сил, которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом» [6, т. 24, с. 405].

В подобном взгляде на природу Горький солидарен с Н. Федоровым (в целом натурфилософия Горького имеет не отдельные совпадения и переклички с идеями его предшественника, а близка им как системе), который в своей работе «Философия общего дела» оценил силы земли как стихию, безусловно нуждающуюся в регуляции со стороны человека, его разума: «Земля — это ... пузырек с отвердевшей оболочкою, о внутреннем содержании и состоянии которого разумные обитатели этого мира точно не знают, но чувствуют, что внутренняя сила в землетрясениях, извержениях стремится как бы прорвать эту оболочку и, следовательно, требует регуляции, точно так же требуют регуляции и воздушные слои, токи, которые, воспринимая силы солнца, проявляются в ураганах, ливнях, грозах» [13, с. 439].

Во многих своих убеждениях (о качестве устройства мира, природном порядке и о разрушительной нацеленности живородящего начала природы, о роли человека в изменении природы, о видоизменении самого человека и др.) Горький оказывается очень близок идеям К. Циолковского.

Не принимая природу как самоценное явление и противопоставляя ее человеку как воплощению разума, организованности, энергии и воли, Горький отказывался признавать, что природа формирует эстетические представления человека, считая, что красота живет только в душе человека благодаря его фантазии: «Есть нечто «первобытное и атавистическое» в преклонении человека пред красотой природы, красотой, которую он сам силою воображения своего внес и вносит в нее. // Ведь нет красоты в пустыне, — красота в душе араба, и в угрюмом пейзаже Финляндии нет красоты, — это финн ее вообразил и наделил ею суровую страну свою», — писал он в статье о Пришвине (6, т. 24, с. 265). Подобный взгляд писателя на красоту природы вызвал обвинения его в солипсизме.

Можно сказать, что во взглядах на красоту природы Горький занимал позицию, во многом противоположную Вл. Соловьеву. Если Соловьев в статье «Красота в природе» синтезировал характерные для философии и эстетики XIX века представления о природе как источнике прекрасного

(он писал: космический ум «творит в ней (в природе. — Л. Г.) и чрез нее сложное и великолепное тело нашей вселенной», «различные формы природной красоты»; «природа не устроит и не украшает животных как внешний материал, а заставляет их самих устроить и украшать себя» [12, т. 2, с. 389]), то Горький — представления XX века — «силового», с «энергетически-математическим методом мышления» [3, с. 123] — о природе как неорганизованной стихии, красоту которой человек придает только в своем воображении.

В антропоцентристских представлениях о природе М. Горького, и не только его, красота заменена, по словам автора статьи «Наука и природа» А. Лапина, «пользой, гармония с природой — борьбой ... за господство над ней, созерцательное отношение — преобразованием природы, целостное восприятие природы — атомизмом» [7, с. 140].

Позиция Горького была постоянной на протяжении 1920–1930-х годов. Уже в конце жизни он писал: «Я никогда не восхищался «разумом природы», не верил в него и не верю, ибо в природе слишком много бессмысленного и вредного для человека — лучшего и самого сложного из ее созданий...» [6, т. 30, с. 273].

Человеку в природном миропорядке М. Горький отводил особое место. В ответе А. Воронскому (1926) он писал: «Вы, первый, так резко подчеркнули мою человекоманию. Даже готов благодарить за это, если моя благодарность нужна Вам... <...> Это художественное произведение — совершенно и чудесно. Озаглавлено оно — “Человек”. Кроме этого чуда, иных чудес на земле не было, нет, не будет...» [5, с. 42].

Самыми ценными в человеке Горький считал два его качества, которые, по сути, представляли человека вышедшим из-под власти природных сил. Во-первых, творческий дар, позволяющий ему создать на земле «вторую природу» и усовершенствовать самого себя. В ответе А. Воронскому Горький писал: «Я антропофил и геофил: для меня, прежде всего, существует человек и земля, на которой, работая, он создает для себя «вторую природу» [5, с. 43–44].

Во-вторых, в лекции 1920 года «О знании» Горький называет человека органом (мозгом) самопознания природы, созданным ею самой. Н. Федоров об этом же писал так: «Объединенный на всей земле человеческий род станет сознанием земной планеты, сознанием ее отношений к другим небесным телам» [13, с. 111]. Горький актуализирует ранее высказанную мысль Н. Федорова и превосходит идею ноосферы В. Вернадского («Научная мысль как планетное явление»).

Горький вызывал активный интерес к идеям названных ученых, с которыми был знаком. Как утверждает М. Агурский, Горький и Вернадский были знакомы с 1917 года, о Вернадском писатель упоминает впервые в статье о Пришвине [2, с. 62]. Был знаком Горький и с Н. Федоровым. С. Семенова

пишет, что идеи Федорова оказали воздействие на широкий круг писателей: не только на Горького, но и на пролетарских поэтов, В. Брюсова, В. Маяковского, Н. Заболоцкого, А. Платонова, М. Пришвина, что в «проектах «общего дела» обнаруживается один из истоков активно-эволюционной, космической мысли 20 века» [11, с. 100]; можно смело утверждать, что такое же воздействие на культуру оказали идеи и К. Циолковского.

Цель развития разума человека Горький видел в его победе над «естественной», «первой» природой и в создании новой — «второй»; власть человека над природой должна была обеспечить ему «победу над стихиями, над болезнью и смертью» [6, т. 27, с. 106]. Горький близок в этом к Н. Федорову, его мечте о бессмертии, и К. Циолковскому, который в работах 1920-х годов высказал мысль о будущем перевоплощении человеческого тела в энергию для преодоления косной силы материи и связанной с нею смерти, а также В. Вернадскому, его мысли о планетарном энергетическом разуме. В статье «Научная мысль как планетное явление» ученый пишет: «Эта новая форма биогеохимической энергии, которую можно назвать энергией человеческой фигуры или культурной биогеохимической энергией, является той формой биогеохимической энергии, которая создает в настоящее время ноосферу» [разрядка автора; 4, с. 102].

Особое место среди статей М. Горького об отношении человека к природе занимает статья «О темах», своим пафосом, направленностью мысли напоминающая работу Н. Федорова «Философия общего дела», в которой предлагается практический проект регуляции природы, по словам автора, — «то великое дело, которое может и должно стать общим» [13, с. 59], чтобы человек не был более «полным ничтожеством пред слепую, бесчувственную природу» [13, с. 79]. Н. Федоров провозглашает в ней необходимость «управления силами слепой природы», эволюцией природного мира, развитие наук, их синтез, преобразование физической природы человека, достижение его бессмертия.

В научной литературе есть весьма критичные суждения о характере восприятия Горьким идей Н. Федорова. Так, К. О. Россиянов пишет: «Отношение Горького к природе как к воплощению стихийности и потому — как к врагу человека — напоминает шаржированное и искаженное воспроизведение взглядов Н. Ф. Федорова» [10, с. 68].

Н. Федоров провозглашает необходимость «управления силами слепой природы», эволюцией природного мира, развитие наук, их синтез, преобразование физической природы человека, достижение его бессмертия. Федоров пишет: «Живая сила, ограниченная пределами земли, могла проявиться только в размножении, в обособлении органов, т. е. в превращении их в особи, и в полном подчинении среде; эквивалентное же замещение их может выразиться в регуляции, в воскрешении, в полноорганичности, т. е. в полном подчинении органов личностям,

в господстве сознания, дающего, в ы р а б а т ы в а ю щ е г о себе органы» (разрядка автора) [13, с. 441].

Итак, человек — носитель разума, в его лице природа познает себя и себя изменяет вплоть до прорыва к новому способу жизни, при котором человек преодолевает ограничения законов материального мира.

Горький, как и Н. Федоров, К. Циолковский и В. Вернадский, говорит о бессмертии коллективного, планетарного, а не индивидуального, личного. Такой подход к решению проблемы у ученых-«космистов» и у Горького является, вероятно, следствием их активного неприятия индивидуалистического начала в человеке и преувеличения в связи с этим коллективистского (К. Циолковский даже полагал, что в будущем для «нормальных» людей будут строиться только общественные дома, индивидуальные же — в исключительных случаях для лживых, сварливых, неуживчивых и необщественных особей («Горе и гений» [14, с. 11–13]).

Мысль о полезности освобождения человека будущего от материального бытия, ограничивающего его возможности, высказывалась и другими учеными, имена которых не встречаются в современных исследованиях данного вопроса. Она высказывалась, в частности, представителями русской религиозной философии, «духовного Ренессанса».

Например, в 1923 году Н. Лосский в главе «Материя в системе органического мировоззрения» книги «Материя и жизнь» размышляет над этим вопросом, анализируя работы Эд. Гартмана «Мировоззрение современной физики» и «Проблемы жизни» (1906). Последний пришел к выводу, что «исчезновение материальной природы должно быть результатом космического переворота» [8, с. 389]. Сам Н. Лосский в заключении главы пишет: «...носители духовного бытия могут даже мечтать о таком периоде развития мира, когда наступит полное освобождение от материального бытия вследствие совершенного исчезновения его» [8, с. 390].

Можно по-разному оценивать тот факт, что взгляды Горького на преобразовательную деятельность человека совпадали с государственной политикой, но факт остается. Так, В. Адоратский, в 1920–30-е гг. директор Института философии Комакадемии, Института философии АН СССР, писал в 1922 г.: «...люди воздействуют на природу, ...перестраивают ее и снова подвергают ее воздействиям, — вот прочная... основа правильного мышления» [1, с. 217].

В декабре 1930 — январе 1931 г. в Комакадемии проходило заседание президиума по вопросу «О положении на фронте естествознания», на котором была принята резолюция, поставившая цель создания «своей собственной науки, которая не может быть буржуазной», журналу «Естествознание и марксизм» предписывалась обязанность объяснять генеральную линию партии, в том числе идею преобразования природы [9, с. 97–114].

В 1934 г. в журнале «Наши достижения», который редактировал Горький, был помещен цикл статей о преобразовании природы. Цикл открывался статьей Н. Михайлова с характерным названием «Исправление природы» и продолжался статьями «Пустыня Кара-Кум», «Борьба с засухой», «Орошение», «Исправление почвы» и т. д.

Именно эти статьи называются обычно исследователями деятельности Горького как редактора названного журнала. Однако в этом направлении своей работы писатель понимал свою задачу шире: он видел важность не только преобразования природы, но и ее изучения, особенно молодым поколением. Он предлагал участвовать в работе журнала и писателям, для которых именно природа как целое, а не только человек, была высшей ценностью земной жизни, и они, таким образом, не разделяли антропоцентристского, точнее, технократического энтузиазма современной им эпохи. По личной инициативе Горького с середины 1920-х годов «собирается» литература о путешествиях и делаются заявки ГИЗу на ее издание; предложение об участии в подобных изданиях получили, например, В. Арсеньев, М. Пришвин.

Горький создает в начале 1930-х годов долгосрочную издательскую программу: пишет статью «О темах» (1933), в которой предлагает план издания литературы для детей (в своей идее создания нового человека Горький возлагал надежды прежде всего на молодое поколение). План предполагал подготовку и издание произведений о природе, технике и человеке. Основными темами литературы, по Горькому, должны были стать «Земля», «Воздух», «Вода», «Растение», «Животное», «Человек», «О том, как наука сделала людей великанами» и др. В изложении программы удивительным образом сочетались уважительный интерес к устройству многообразной природной жизни, подчиненной фундаментальным законам развития материи, и идея возвышения человека над природными законами: «новый» человек должен был исследовать природный мир, чтобы понять его законы, затем совершить открытия в области техники и благодаря им «углубить» свое зрение, усилить слух, увеличить возможности ног и рук. По Горькому, это необходимо человеку, чтобы победить природу в лице стихий, болезни и смерти.

Кроме того, писатель видит в природе среду, формирующую важные качества национального мироощущения и патриотическое чувство. Горький, таким образом, поддержал идеи «положительного отношения» к природе предшественников: К. Д. Ушинского — о полезности изучения природы для формирования материалистического мировоззрения, Н. М. Карамзина, В. Г. Белинского — о влиянии природы на национальный характер.

Необходимо заметить, что издательская программа Горького начала 1930-х годов, если отвлечься от ее итоговых целей, является обобщением тенденций отечественной литературы и издатель-

ской практики предыдущего десятилетия — 1920-х годов, когда писатели и издатели многое сделали для пропаганды научно-естественных знаний, которые пробуждали в читателе осознанное чувство природы.

Издательская программа и практическая деятельность Горького в 1930-е годы подчеркнули умозрительность технократической, сциентистской концепции, которую поддерживал Горький в своих публицистических работах, глубину расхождения ее с реальностью. Это свидетельствовало и о том, что крупные мыслители и художники, стремясь к познанию истины, не были ограничены технократической идеей: они чувствовали ее пределы, за которыми угадывали истинный масштаб реальности.

Именно поэтому природа в художественном творчестве Горького не исчезает: она предстает в описаниях и размышлениях о ней и в «Деле Артамоновых», и в «Жизни Климата Самгина». Образ природы в них полифункционален, что свидетельствует о важности его роли: описания природы создают фон действия — это реальный природный мир с большим и малым в нем, прекрасным и безобразным; пейзажи и образы природы являются средством психологического анализа.

Но природа никогда (или почти никогда) не претендует на роль самостоятельного персонажа, как у В. Арсеньева или М. Пришвина, не стремится единолично представлять прекрасное, как в произведениях С. Клычкова или в ранней прозе Л. Леонова. Она живет в художественном произведении в подчиненном по отношению к человеческому сюжету положении. В преимущественном интересе к человеку Горький-художник солидарен с Горьким-мыслителем.

Технократизм натурфилософской мысли Горького является внутренне противоречивым явлением еще и потому, что он изначально порожден не фило-

софским, а социальным аспектом: неудовлетворенность писателя состоянием природного мира питала гуманистическая мечта о лучшем устройстве в природе человека; важным обстоятельством является и то, что свои идеи он осознавал как футурологические; это обусловило неразвитость мысли о необходимости ограничения вмешательства человека в природную жизнь.

Литература

1. Адоратский В. Об идеологии // На переломе: Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 214–224.
2. Агурский М. Великий Еретик (Горький как религиозный мыслитель) // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 54–74.
3. Бергер Л. Г. Пространственный образ мира (парадигма познания) в структуре художественного стиля // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 114–128.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. Изд. 2-е. М.: Наука, 1991. 698 с.
5. Воронский А. Литературно-критические статьи. М.: Сов. писатель, 1963. 459 с.
6. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1949–1955.
7. Лапин А. Наука и природа // Наш современник. 1991. № 8. С. 135–142.
8. Лосский Н. О. Материя в системе органического мировоззрения // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. 620 с.
9. О положении на фронте естествознания (заседание Президиума Комакадемии 23.12.1930–6.01.1931) // Философские науки. 1991. № 10. С. 97–114.
10. Россиянов К. О. Сталин как редактор Лысенко. К предстории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 56–69.
11. Семенова С. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. М.: Сов. писатель, 1989. 356 с.
12. Соловьев Вл. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988–1990.
13. Федоров Н. Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. 459 с.
14. Циолковский К. Утописты. Живая Вселенная // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 132–158.